

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В ПРОСТРАНСТВЕ «БЕДНОСТЬ—НЕБЕДНОСТЬ»: ТРАЕКТОРИИ ПЕРЕХОДОВ В 1990-е и 2000-е гг.

Богомолова Т. Ю., к. с. н., заведующая отделом социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

В статье представлены результаты изучения траекторий, отражающих экономическую мобильность населения России в последние два десятилетия, каждое из которых несло как серьезные потрясения, так и расширение горизонтов возможностей для экономического продвижения людей. На материалах Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения за 1994–2008 гг. показаны изменения контура экономической стратификации, проанализирована мобильность населения в пространстве «бедность—небедность». Несмотря на заметные позитивные подвижки в экономической стратификации, по мнению автора, невысокая интенсивность восходящей мобильности и сложившееся к 2008 г. распределение населения по доходным группам не позволяют считать значительное количество людей в стране застрахованными от бедности, а уровень экономических ресурсов, которыми они располагают, достаточным для развития человеческого потенциала.

Экономическая мобильность как движение социального объекта в иерархической структуре экономических положений может быть представлена: а) показателями того, в какой мере и в каком направлении изменилось экономическое положение объекта на начало и конец анализируемого периода; б) траекторией, получаемой с помощью фиксирования экономического положения объекта во все промежуточные моменты наблюдения помимо начального и конечного. В школьном курсе физики аналогом первого выступает понятие «перемещение», а второго — «путь».

С одной стороны, множество индивидуальных траекторий изменения экономического положения, причудливо переплетаясь, задают тренд изменения профиля экономической стратификации общества; с другой стороны, негативные внешние воздействия и возникшие или целенаправленно созданные возможности для экономического продвижения на уровне общества или в регионе проживания оказывают непосредственное влияние на экономические траектории индивидов. В траектории экономической мобильности отражается способность индивида в разные моменты времени использовать все виды находящегося в его распоряжении капитала (человеческого, экономического, социального), откликаться на вызовы времени и среды, противостоять общим и индивидуальным потрясениям.

В фокусе внимания данного исследования — тренды в динамике экономической стратификации и образцы траекторий экономической мобильности населения России в последние два десятилетия в целом и по отдельности.

Исследования такого рода позволяют глубже понять характер и причины происходящих социально-экономических изменений, что дает возможность более эффективно «содействовать позитивным изменениям в будущем» [Ashley et al., 2003].

МЕТОДОЛОГИЯ

Информационная база исследования — данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) за 1994–2008 гг. В этот период опросы населения проходили ежегодно, исключение составили 1997 и 1999 гг. РМЭЗ осуществляется международным коллективом, в который входят Университет Северной Каролины в Чапел-Хилле (США), исследовательский центр «Демоскоп», Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Институт социологии РАН, Институт питания РАМН.

Единицей анализа является индивид в возрасте 18 лет и старше на момент опроса в 1994 г. Индикатором экономического положения индивида выступает эквивалентный¹ денежный доход в ее/его домохозяйстве, поделенный на величину прожиточного минимума (ПМ) в регионе проживания домохозяйства на момент опроса, — так называемый проминимумный доход, отражающий покупательную способность удельных доходов домохозяйства. Величина ПМ представляет собой стоимостную оценку потребительской корзины, а также обязательные платежи и сборы. В исследовании использовалась информация о региональных ПМ за VI квартал в каждом году анализируемого периода².

Величина регионального ПМ также выступает критерием абсолютной бедности: индивиды с доходами ниже величины регионального ПМ относятся к бедным, остальные — к небедным.

В данном исследовании экономическая стратификация построена на основе аналитической шкалы, группирующей население по уровню покупательной способности доходов³. Выражение удельного дохода домохозяйства не в денежных единицах, а в его покупательной способности (в ПМ) позволяет элиминировать влияние инфляции при динамических сравнениях и более корректно сопоставлять доходы населения регионов страны, различающихся по стоимости жизни.

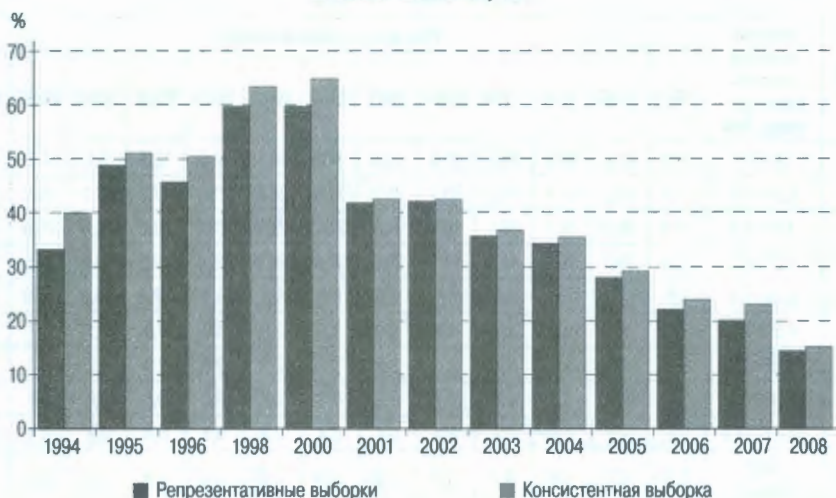
Изучение траекторий экономической мобильности, в частности переходов населения *в* и *из* состояния бедности, принято осуществлять на материалах консистентной панельной выборки. В нашем случае она включала индивидов, которые в каждый из 13 моментов наблюдения за 1994–2008 гг. отвечали на вопросы анкеты, предназначенной для взрослого члена домо-

¹ Для определения числа потребительских единиц в домохозяйстве использована шкала экономии на совместном проживании Организации экономического сотрудничества и развития (*Organization for Economic Co-operation and Development, OECD*), в соответствии с которой вес первого взрослого в домохозяйстве составляет 1, каждого следующего взрослого — 0,7, каждого ребенка — 0,5.

² Источник: база данных Государственного комитета по статистике РФ; www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/DBInet.cgi.

³ Была выбрана шкала группирования, дающая десять страт. Шкала уже прошла апробацию в ряде наших предыдущих исследований, впервые в работе «Экономическая стратификация населения России: динамический аспект» [Богомолова, Тапилина, 2001].

Рисунок 1. Доля бедных в репрезентативных и консистентной выборках в 1994–2008 гг., %

хозяйства, при этом по домохозяйству имелась информация о совокупном денежном доходе. Размер консистентной выборки составил 2210 человек. В консистентную панельную выборку входит менее подвижное население (никуда не переехали за 14 лет), чем в одномоментные репрезентативные выборки. Это, как правило, проявляется в смещении характеристик пола, возраста, места проживания в сторону женщин, людей более старших возрастов, жителей сельской местности в консистентной выборке по сравнению с репрезентативными, что, в свою очередь, может привести к смещению распределения доходов к более низким значениям. И в данном исследовании в консистентной выборке средние доходы несколько ниже, а доля бедных несколько выше, чем в репрезентативных выборках по всем годам рассматриваемого периода (рис. 1).

Хотя эти различия и не выглядят существенными, результаты, полученные при изучении перемещений населения *в* и *из* состояния бедности на материалах консистентной выборки, стоит рассматривать как пессимистическую оценку среди возможных оценок процессов перемещений населения в экономическом пространстве в 1990-е и 2000-е гг.

ДИНАМИКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТИФИКАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В 1994–2008 гг.

В рассматриваемый период наблюдаются ярко выраженные процессы изменения в распределении населения России по экономическим стратам (табл. 1).

Первая точка наблюдения, 1994 г., дает наиболее благополучную картину экономической стратификации в 1990-е гг., хотя и в этот момент треть населения страны имела уровень доходов ниже черты бедности. Уже в 1995 г. наблюдается достаточно резкий сдвиг в распределении населения в сторону бедных и низкодоходных страт, сокращение доли и без того мало наполненных слоев относительно обеспеченных людей. В последующие несколько лет

Таблица 1. Распределение населения России по экономическим стратам в 1994–2008 гг., %

Страты	Покупательная способность дохода, ПМ	Распределение по годам												
		1994	1995	1996	1998	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
1	До 0,5	11,9	20,2	24,6	28,7	25,9	15,5	14,5	12,1	13,3	10,8	5,1	4,2	3,8
2	0,51–1,0	21,6	28,6	21,1	31,2	33,9	26,2	27,6	23,8	21,1	17,1	17,2	15,6	10,6
3	1,01–1,5	23,6	20,6	19,1	18,1	16,8	24,8	23,2	22,7	21,4	20,8	21,9	20,9	18,9
4	1,51–2,5	22,8	19,3	19,7	14,3	15,1	20,3	22,4	24,9	26,6	29,6	29,8	31,5	32,8
5	2,51–3,5	9,5	5,1	7,2	4,0	4,2	6,6	6,6	9,1	9,5	12,2	14,8	15,3	17,9
6	3,51–4,5	3,9	2,7	3,1	1,7	1,8	2,9	2,3	3,9	4,0	4,8	5,1	6,7	8,4
7	4,51–7,0	3,9	1,9	3,3	1,1	1,4	2,2	2,4	2,2	2,5	2,9	4,2	4,2	5,5
8	7,01–10,0	1,3	0,8	1,1	0,5	0,4	0,8	0,4	0,7	0,8	0,9	0,9	0,9	1,2
9	10,01–15,0	0,6	0,5	0,4	0,2	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,5	0,3	0,4	0,5
10	15,01 и выше	0,9	0,3	0,4	0,2	0,1	0,3	0,2	0,2	0,4	0,4	0,7	0,3	0,4
Всего		100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Источник: здесь и далее расчеты автора на материалах РМЭЗ⁴.

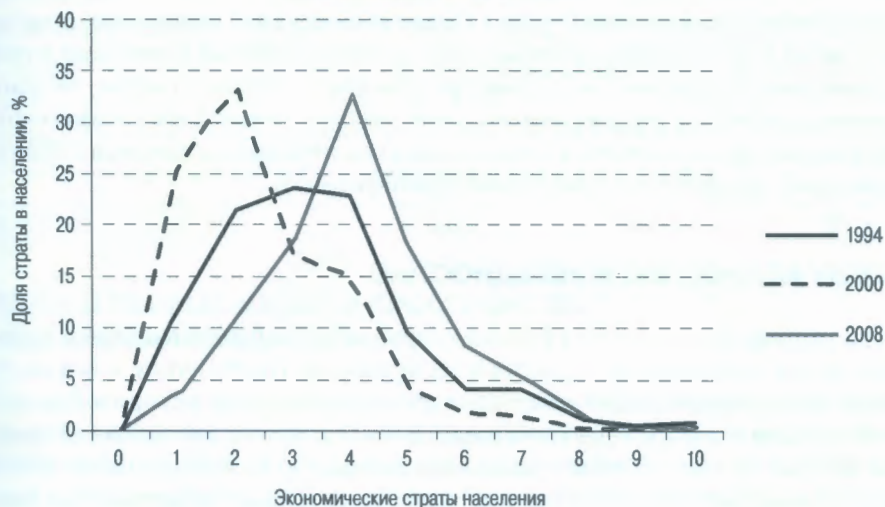
форма стратификации заметно не меняется, а в 1998 г. происходит еще один существенный негативный сдвиг в распределении населения по доходам. Пик экономического неблагополучия населения в 1990-е гг. — и за весь период наблюдения — приходится, как можно видеть, на конец XX в. В целом в экономической стратификации второй половины 1990-х гг. преобладали бедные (составляя половину населения) и малообеспеченные слои, в то время как доля среднеобеспеченных и состоятельных не превышала 25–30% населения.

В начале 2000-х гг. в России начинается трансформация контура сложившейся на рубеже веков экономической стратификации: постепенно уменьшается доля крайне бедных людей, а затем и бедных в целом, увеличивается вес более обеспеченных страт. В 2003 г. распределение населения по экономическим стратам становится очень близким к тому, что было в 1994 г. Затем следует дальнейший рост номинального экономического благополучия населения, и к концу наблюдаемого периода экономическая стратификация обретает новый контур (рис. 2), где половина населения сосредотачивается в двух стратах с доходами от 1,5 по 3,5 ПМ, доля бедных не превышает 15% населения, а относительно высокообеспеченные становятся статистически заметной стратой (доля населения с доходами более 4 ПМ составляет около 10%).

Судя по динамике контура экономической стратификации, рассматриваемый период новейшей истории России достаточно четко разделяется на два

⁴ Масштабы бедности в России в наших расчетах превышают аналогичные показатели государственной статистики, так как мы не производим дооценку доходов населения на основе баланса доходов и расходов, а работаем с теми данными, которые сообщили респонденты. Тот факт, что в качестве критерия бедности здесь используются региональные прожиточные минимумы, а не величина общероссийского прожиточного минимума, как принято в статистике, также может быть причиной различий в оценках бедности.

Рисунок 2. Трансформация контура экономической стратификации населения России за 1994–2004 гг.

подпериода — 1990-е и 2000-е гг. Первому свойственны резкие сдвиги в направлении обеднения населения при росте экономического неравенства, второму — поступательный выход из бедности значительных масс людей при сохранении относительно высокого экономического неравенства. За изменениями стратификации в 1990-е гг. стояли серьезные социально-экономические потрясения в жизни общества, сопровождавшие формирование в стране рыночной экономики. Между тем население приобретало опыт противостояния социально-экономическим шокам, постепенно училось задействовать все доступные формы капитала и использовать открывающиеся возможности (формирование малого бизнеса, расширение сферы торговли и сферы услуг, приватизация предприятий, разрушение монополии государства на выход на международный рынок и пр.). По нашему мнению, во многом именно активные стратегии населения по адаптации в меняющихся условиях, воля к выживанию, готовность осваивать новые компетенции способствовали тому, что с 1995 по 1998 г. форма экономической стратификации не менялась в худшую сторону даже при сохранении неблагоприятного макроэкономического фона. Но первый в истории рыночной России финансовый и экономический кризис, произошедший в августе 1998 г., вызвал серьезную деформацию экономической стратификации, затронув все слои общества. Экономика страны и благосостояние домохозяйств восстанавливались после дефолта 1998 г. несколько лет.

Оздоровление экономики после дефолта, усиление контроля государства над социально-экономическими процессами в стране на фоне роста цен на нефть, газ и другие природные ресурсы, традиционно экспортируемые Россией, привели к некоторому увеличению общего благосостояния населения. Но острота проблем бедности и экономического неравенства, выступающих тормозом дальнейшего социально-экономического развития, заставила власть наметить некоторые меры по их преодолению. В Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ в начале 2004 г. борьба с бедностью была названа первоочередной задачей. С 2005–2006 гг. стали реализовываться национальные проекты в сферах образования, здравоохранения, агропромышленного комплекса. Из поступле-

ний, связанных с благоприятной конъюнктурой цен в первой половине 2000-х гг. на экспортируемое сырье, государство создало фонды, за счет которых финансировало повышение оплаты труда в бюджетном секторе экономики, а также рост пенсий и других социальных выплат. Предпринимаемые начинания в этих направлениях имеют неоднозначные результаты и, соответственно, неоднозначно оцениваются, но даже номинальное заметное повышение доходов соответствующих групп населения явно и позитивно отражается, начиная с 2004 г., на динамике профиля экономической стратификации.

МЕЖДУ БЕДНОСТЬЮ И НЕБЕДНОСТЬЮ

Два последних десятилетия в России сопровождались интенсивными перемещениями населения в бедность и из бедности. Пребывание в бедности весьма распространенный опыт населения в новейшей истории России: в выборке для исследования траекторий доля тех, кто ни в одной из 13 точек наблюдения не был бедным, составляет меньше 10%. Большинство (60%) были бедными многократно (свыше 4 раз). Практически беспросветная бедность (10–13 раз) наблюдалась более чем у десятой части населения (рис. 3). Все это — яркая иллюстрация жизненности в России поговорки «От сумы и от тюрьмы не зарекайся».

Для адекватного сравнения динамики бедности в том и другом периоде (в 1990-х и 2000-х гг.) выберем по 4 точки наблюдения с шагом в 2 года: 1994, 1996, 1998 и 2000 гг. характеризуют первый период; 2002, 2004, 2006, 2008 гг. — второй.

Видно, что как в 1990-е, так и в 2000-е пребывание в бедности было частью жизненного опыта большинства россиян, но охват бедностью и кратность пребывания в этом статусе взрослого населения существенно различаются в эти периоды (табл. 2).

Если в 1990-е модальным было пребывание в бедности в 2–3 точках наблюдения из 4, то в 2000-е модальным стало пребывание в небедности; распространенность пребывания в бедности во всех точках наблюдения в 2000-е стала почти в четыре раза меньше, чем в 1990-х, а в небедности — почти в 3 раза больше.

Рисунок 3. Распределение взрослого населения России по кратности пребывания в состоянии бедности в период 1994–2008 гг. (13 точек наблюдения, N=2210, %)

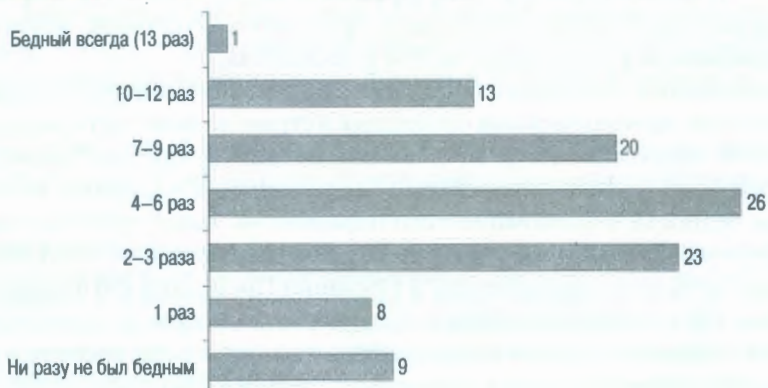

Таблица 2. Распределение взрослого населения России по кратности пребывания в состоянии бедности в 1990-е и 2000-е гг. (по 4 точки наблюдения, N=2210, %)

Кратность пребывания в статусе бедности	1990-е гг.	2000-е гг.
0	15	43
1	19	23
2	23	17
3	24	12
4	19	5
Всего	100	100

ПОТОКИ ПЕРЕМЕЩЕНИЙ В ПРОСТРАНСТВЕ «БЕДНОСТЬ–НЕБЕДНОСТЬ»

Исходя из кратности пребывания в статусе бедности/небедности в рассматриваемый период времени, можно оценить устойчивость статуса индивида в пространстве «бедность — небедность» во времени. С учетом того, что каждый из рассматриваемых нами периодов представлен четырьмя точками наблюдения, индивидов, которые три-четыре раза были бедными, назовем «устойчиво бедными»; тех, кто два раза был бедным (соответственно, столько же и небедным) — флуктуирующими в пространстве «бедность — небедность»; тех, кто был бедным в один из моментов наблюдения или не был ни разу, назовем «устойчиво небедными». В первое десятилетие новейшей истории России во взрослом населении модальную группу представляли устойчиво бедные, во втором — устойчиво небедные, причем их в этот период было заметное большинство (66%) (табл. 3).

Оценить направления трансформации экономических статусов 1990-х в период 2000-х гг. позволяет следующая таблица (табл. 4): почти треть тех, кто был устойчиво бедным в 1990-х гг., остались таковыми и в 2000-е, однако многие (42%) обрели статус устойчиво небедных. Подавляющее большинство людей (86%) с неустойчивым в первом из рассматриваемых десятилетий экономическим статусом во втором стали устойчиво небедными. Те, кто был устойчиво небедным в 1990-е, в основном (66%) не растеряли свои преимущества и в 2000-х; если это и случалось, то в виде потери устойчивости (10%).

Матрица переходов индивидов с «агрегированными по времени» экономическими статусами между 1990-ми и 2000-ми гг. (табл. 5) показывает, что доля взрослого населения, пребывавшего в течение всего периода новейшей истории России в постоянной бедности, более чем вдвое меньше доли тех, кто пребывал в постоянной небедности. Но те и другие в сумме

Таблица 3. Устойчивость статуса взрослого населения России в пространстве «бедность–небедность» в 1990-е и 2000-е гг. (N=2210, %)

Устойчивость экономического статуса	1990-е гг.	2000-е гг.
Устойчиво бедные	42	17
Флуктуирующие в пространстве «бедность–небедность»	24	17
Устойчиво небедные	34	66
Всего	100	100

Таблица 4. Изменение устойчивости экономического статуса взрослого населения России в пространстве «бедность–небедность» между 1990-ми и 2000-ми гг. (N=2210, %)

Устойчивость экономического статуса в 1990-е гг.	Устойчивость экономического статуса в 2000-е гг.			Всего
	устойчиво бедные	флуктуирующие в пространстве «бедность – небедность»	устойчиво небедные	
Устойчиво бедные	31	27	42	100
Флуктуирующие в пространстве «бедность–небедность»	10	16	74	100
Устойчиво небедные	4	10	86	100
Все	17	17	66	100

Таблица 5. Матрица переходов взрослого населения России между экономическими статусами 1990-х и 2000-х гг., %

Экономический статус в 1990-е гг.	Экономический статус в 2000-е гг.			Всего
	устойчиво бедные	флуктуирующие в пространстве «бедность–небедность»	устойчиво небедные	
Устойчиво бедные	I. Постоянная бедность (13)	II. Неустойчивый выход из бедности (10)	III. Выход из бедности (19)	42
Флуктуирующие в пространстве «бедность – небедность»	IV. Вход в бедность из неустойчивого положения (2)	V. «Устойчиво» неустойчивое положение (4)	VI. Вход в состояние небедности из неустойчивого положения (18)	24
Устойчиво небедные	VII. Вход в бедность из небедности (2)	VIII. Неустойчивый выход из небедности (3)	IX. Постоянная небедность (29)	34
Всего	17	17	66	100

не составили большинства, так как большинство в этот период мигрировало между бедностью и небедностью, хотя и с явным преимуществом потока выходящих из бедности.

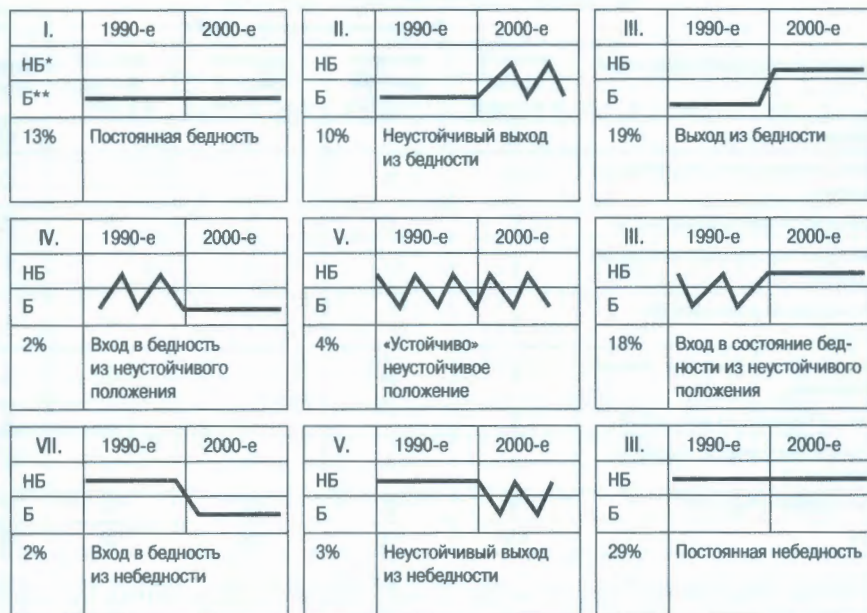
ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ТРАЕКТОРИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Графическое изображение девяти типов переходов (рис. 4), позволяет визуализировать образцы траекторий экономической мобильности. Около 40% наших сограждан в то или иное десятилетие новейшей истории, а некоторые — на протяжении всего рассматриваемого периода флуктуировали между бедностью и небедностью. Экономические траектории такого типа (II, IV, V, VI, VIII) называют зубчатыми [Baulch, Davis, 2008].

Больше четверти населения (29%) имеют иммунитет к бедности, который не подорвали никакие социально-экономические перипетии рубежа веков (траектория IX). Анализ демографических и социальных характеристик группы с иммунитетом к бедности в дальнейшем позволит выявить факторы высокой сопротивляемости негативным потрясениям и/или восприимчивости к позитивным стимулам среды вне зависимости от особенностей этапа социально-экономического развития страны.

Траекторией сохранения статуса бедности (траектория I) следовал более чем каждый десятый взрослый (13%). Это люди, которые явно остались

Рисунок 4. Образцы траекторий в пространстве «бедность–небедность» взрослого населения России между 1990-ми и 2000-ми гг.

Примечание: * Б — группа индивидов, отнесенных к бедным; ** НБ — группа индивидов, отнесенных к небедным.

за бортом программ социальной поддержки и /или в силу либо объективных, либо субъективных причин не преуспели в получении доходов выше ПМ как в 1990-х, так и 2000-х гг.

РАЗНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ НА ВХОДЕ — РАЗНЫЕ ТРАЕКТОРИИ МОБИЛЬНОСТИ И РЕЗУЛЬТАТЫ НА ВЫХОДЕ

Экономические ресурсы российских домохозяйств в 1990-е гг. подверглись серьезным испытаниям, и в условиях интенсивно реформирующейся экономики и не спешащего приступить к выполнению своих социальных функций государства способность индивидов зарабатывать, да и вообще получать доходы, прошла суровую проверку, результаты которой нашли отражение в траекториях экономической мобильности взрослого населения.

Хотя наша методика конструирования траекторий мобильности в пространстве «бедность — небедность» не жестко задает кратность пребывания социального объекта в той или иной части экономического спектра, расчеты показали, что положение в экономической стратификации⁵ в исходной точке наблюдения (1994) во многом предопределило траектории индивидов на последующие 14 лет (табл. 6).

⁵ Для удобства восприятия исходная экономическая стратификация была укрупнена и представлена в виде четырех экономических слоев. Низший слой составили индивиды с эквивалентным денежным доходом домохозяйства, не превышающим одного регионального ПМ; нижний средний слой — с доходом не больше двух ПМ; верхний средний — не больше четырех ПМ; в высший слой вошли индивиды с доходом более четырех ПМ.

Таблица 6. Распределение взрослого населения по типам траекторий в зависимости от положения в экономической стратификации в 1994 г., %

Тип экономических траекторий	Экономические слои, 1994 г.				Всего
	низший (1 ПМ и меньше)	нижний средний (1–2 ПМ)	верхний средний (2–4 ПМ)	высший (более 4 ПМ)	
I. Постоянная бедность	25	7	2	–	13
II. Выход из бедности в неустойчивое положение	20	6	1	–	10
III. Выход из бедности в небедность	33	12	7	5	19
IV. Выход из неустойчивого положения в бедность	2	3	3	–	2
V. «Устойчиво» неустойчивое положение	4	5	1	4	4
VI. Вход в небедность из неустойчивого положения	11	26	12	15	18
VII. Вход в бедность из небедности	0	2	3	1	2
VIII. Вход в неустойчивое положение из небедности	2	4	4	3	3
XI. Постоянная небедность	3	35	67	72	29
<i>Всего</i>	100	100	100	100	100

Большинство бедных на входе за весь период наблюдения не обрели устойчивого благополучия, а четверть из них пребывали в состоянии постоянной бедности; и только чуть больше трети в 2000-е гг. смогли уверенно перейти черту бедности. Удельные доходы домохозяйства, превышающие в 1994 г. величину регионального ПМ в четыре раза, стали гарантией непопадания индивидов в хроническую бедность, да и в целом люди с таким уровнем дохода преимущественно (более семи из десяти респондентов) не были бедными ни в 1990-е, ни в 2000-е гг. И лишь меньше трети представителей этого экономического слоя все же эпизодически оказывались в неблагоприятном экономическом положении.

Представители срединных слоев «воспользовались» всеми теоретически возможными траекториями. Правда, те, кто был ближе всего к границе бедности (доходы не более чем в два раза больше ПМ), испытывали сильное притяжение отрицательного полюса экономической стратификации: уровень их доходов колебался вокруг границы бедности, а 7% респондентов по итогам всего периода наблюдения были отнесены к постоянно бедным. Домохозяйства, удельный доход которых превысил ПМ в два раза, оказались существенно защищены от бедности на будущее. Так, большинство представителей (68%) верхнего среднего слоя укрупненной экономической стратификации 1994 г. за рассматриваемый период устойчиво были небедными.

Следующая таблица показывает, что покупательная способность доходов как бедных, так и небедных в 2000-х гг. стала выше, чем в 1990-х (табл. 7). Также она иллюстрирует тезис, что относительно надежной гарантией от бедности может выступить лишь удельный доход в домохозяйстве, который превышает ПМ в два раза. Так, средняя покупательная способность доходов домохозяйств в группе индивидов, небедных как в 1990-х, так и в 2000-х гг. (траектория IX), составляла больше 2 ПМ, причем в пяти точках наблюдения из восьми она была равна 2,5 ПМ и выше. Одна часть индивидов, бывших в 1990-е гг. устойчиво небедными, в 2000-е стали флуктуировать между бед-

Таблица 7. Средняя покупательная способность дохода в группах бедных и небедных по типам экономических траекторий в 1994–2008 гг., величина, кратная региональному ПМ

Тип траектории	Распределение по годам															
	1994		1996		1998		2000		2002		2004		2006		2008	
	Б*	НБ**	Б	НБ	Б	НБ	Б	НБ	Б	НБ	Б	НБ	Б	НБ	Б	НБ
I	0,6	–	0,4	–	0,4	–	0,4	–	0,6	–	0,6	–	0,7	–	0,7	–
II	0,6	–	0,4	–	0,5	–	0,5	–	0,6	1,8	0,7	1,7	0,7	1,7	0,7	1,9
III	0,6	–	0,5	–	0,5	–	0,6	–	–	1,9	–	1,7	–	2,7	–	2,2
IV	0,6	1,8	0,6	1,6	0,5	1,3	0,6	1,4	0,7	–	0,7	–	0,8	–	0,8	–
V	0,5	1,7	0,5	2,0	0,5	2,0	0,5	1,5	0,7	2,8	0,6	2,3	0,8	2,7	0,9	1,6
VI	0,7	1,8	0,5	1,8	0,6	1,6	0,7	1,8	–	1,9	–	2,0	–	2,3	–	2,4
VII	–	1,9	–	1,9	–	1,5	–	2,3	0,6	–	0,5	–	0,7	–	0,7	–
VIII	–	2,0	–	2,6	–	2,2	–	1,8	0,7	2,2	0,7	1,9	0,7	1,8	0,5	2,5
IX	–	2,6	–	2,5	–	2,1	–	2,2	–	2,2	–	2,5	–	2,8	–	2,8
Среднее значение по группе	0,6	2,1	0,4	2,2	0,5	1,9	0,6	2,1	0,6	2,0	0,6	2,1	0,7	2,5	0,7	2,4

Примечание: * Б — группа индивидов, отнесенных к бедным; ** НБ — группа индивидов, отнесенных к небедным.

ностью и небедностью (траектория VIII), другая — претерпела нисходящую экономическую мобильность и пополнила ряды устойчиво бедных первого десятилетия нового века (траектория VII). Возможно, в последнем случае такой перепад благосостояния объясняется, помимо каких-то неблагоприятных жизненных обстоятельств, и тем, что покупательная способность таких домохозяйств в основном не превышала двух ПМ.

Не хотелось бы преувеличивать магию цифр, но, похоже, когда речь идет о покупательной способности доходов, и десятая часть единицы имеет значение. Многие бедные в 1994 г. начали свой путь с покупательной способностью доходов на уровне 0,6, но одни преодолели бедность, а другие — нет. Немногим меньше половины индивидов, удельный доход в домохозяйствах которых в 1990-х гг. колебался на уровне 0,5–0,6 от региональной черты бедности, в 2000-х гг. вышли из бедности (траектория III), а больше пятой части стали флуктуировать между бедностью и небедностью (траектория II). Те, у кого во второй половине 1990-х гг. уровень покупательной способности доходов понизился до 0,4, впали в хроническую бедность на весь период (траектория I).

Индивиды, чей экономический статус в 1990-е гг. был неустойчивым (траектории IV, V, VI), были членами домохозяйств, доходы которых в эти годы в среднем не опускались ниже половины ПМ, но и не превышали границу в два ПМ. Почти три четверти из них стали в 2000-е устойчиво небедными (траектория VI), остальные либо ушли за черту бедности (траектория IV), либо сохранили неустойчивость экономического статуса (траектория V) (см. табл. 4).

После подробного рассмотрения разных путей движения индивидов в пространстве «бедность — небедность» становится понятно, что экономическое положение индивида, определенное в один момент наблюдения, не обязательно сохранится в следующий момент наблюдения. Однако зададимся вопросом: «Каковы результаты перемещений взрослого населения России за анализируемый период?» (табл. 8).

Таблица 8. Распределение представителей экономических слоев 1994 г. по экономическим слоям в 2008 г., %

Экономические слои в 1994 г.	Экономические слои в 2008 г.				Всего
	низший	нижний средний	верхний средний	высший	
Низший	24	48	22	6	100
Нижний средний	10	47	36	7	100
Верхний средний	8	34	47	11	100
Высший	6	24	51	19	100
Всего	15	44	33	8	100

Из тех, кто в 1994 г. был беден, почти четверть подтвердили свой неблагоприятный статус и в 2008 г.; остальные показали восходящую мобильность, правда преимущественно в соседний слой. Но у части в прошлом бедных индивидов (28% от исходной группы) доходы стали превышать два ПМ, что дает им шансы в будущем не вернуться в бедность.

Второй и третий слои в 2008 г. почти наполовину сохранили «своих членов» с 1994 г. Между тем мобильные представители второго слоя (небедные, с доходами, не превышающими два ПМ) в основном продвинулись вверх, оставив за чертой бедности лишь 10% «своих». А в третьем слое масштаб нисходящей мобильности преобладал над масштабом восходящей, и 8% представителей слоя с доходами, превышающими два ПМ, все же оказались в 2008 г. среди бедных.

Сохранить свои относительно высокие в начальной точке наблюдения доходы и в конце периода оказалось под силу только пятой части слоя состоятельных в 1994 г. индивидов. Половина из них оказалась в 2008 г. в соседнем, третьем слое; четверть — в слое, граничащим с чертой бедности; 6% стали бедными.

Проведенный анализ экономической мобильности взрослого населения России демонстрирует, что исходное экономическое положение индивидов в 1994 г. и их экономическое положение в 2008 г. связаны⁶ между собой. Так, экономическое положение, занимаемое индивидом 14 лет назад, несмотря на изменения социально-экономического фона жизни в этот период, более или менее определяет его экономическое положение и в 2008 г.: перемещения по доходной лестнице осуществлены преимущественно в смежные группы; реализованные шансы на значительный взлет и риски падения в самый низ в экономической иерархии можно оценить как невысокие. Между тем, в этот исторический период сохранить экономическое благополучие было не менее трудно, чем вырваться из бедности.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АКЦЕНТЫ В ТРАЕКТОРИЯХ ПЕРЕМЕЩЕНИЙ МЕЖДУ БЕДНОСТЬЮ И НЕБЕДНОСТЬЮ

Место проживания/тип поселения и уровень образования являются факторами, значимо предопределяющими наиболее и наименее вероятные траектории перемещения индивида в пространстве «бедность—небедность».

⁶ Между признаками имеется статистически значимая связь (уровень значимости коэффициента хи-квадрат равен 0,000).

Чем меньше поселение, тем больше вероятность хронической бедности и сильнее притяжение полюса «бедность», что выражается в распространенности траекторий «неустойчивый выход из бедности», «потеря устойчивости в небедности», «вход в бедность из неустойчивого положения». Если сравнить распределение жителей областных центров и сельских поселений России по типам траекторий, то может сложиться впечатление, что последние два десятилетия они жили в разных странах (табл. 9).

Высшее образование выглядит более действенным защитником от бедности, чем любой другой уровень образования, хотя оно и обеспечивало «защиту» от бедности лишь половине индивидов. Как бы то ни было, наличие высшего образования в анализируемый период повышало шансы людей на восходящую экономическую мобильность или устойчивое пребывание в небедности. Наши результаты дают надежду, но не гарантируют, что стремление нынешних родителей дать детям высшее образование (имеет это под собой рациональный мотив или нет) является плодотворной стратегией обеспечения защиты от бедности в будущем.

Что касается половозрастных характеристик респондентов, то они не являются значимым дифференцирующим фактором в определении траекторий: молодых, пожилых, мужчин, женщин последние 20 лет протащили по одним и тем же кочкам и камушкам 1990-х, да и преимущества экономического роста 2000-х гг. рассредоточили без особых предпочтений (табл. 10). Хотя половозрастных групп, представители которых преимущественно процветали или прозябали в рассматриваемый период, не наблюдается, трудно не заметить, что постоянная бедность выше среди более пожилых людей, причем женщины, вошедшие в 1990-е гг. в пенсионном возрасте, имели наименьшие шансы на устойчиво безбедную жизнь.

Объем восходящей мобильности (траектории II, III, VI) по всем половозрастным группам существенно превышает объем нисходящей мобильности (траектории IV, VII, VIII) и составляет во всех группах 43–50%, это показывает, что позитивные эффекты от роста национальной экономики в 2000-х кос-

Таблица 9. Распределение взрослого населения по типам траекторий в зависимости от места проживания и уровня образования в 1994 г., %

Тип траектории перемещения между 1990-ми и 2000-ми гг.	По выборке в целом	Место проживания		Образование	
		областной центр	село	среднее общее	высшее
I. Постоянная бедность	13	4	24	16	5
II. Выход из бедности в неустойчивое положение	10	4	16	10	5
III. Выход из бедности в небедность	19	17	21	22	11
IV. Выход из неустойчивого положения в бедность	2	1	4	1	0
V. «Устойчиво» неустойчивое положение	4	3	6	5	1
VI. Вход в небедность из неустойчивого положения	18	19	12	15	21
VII. Вход в бедность из небедности	2	0	1	1	1
VIII. Вход в неустойчивое положение из небедности	3	2	4	3	3
XI. Постоянная небедность	29	50	12	27	53
Всего	100	100	100	100	100

Таблица 10. Распределение населения по типам траекторий в зависимости от принадлежности к половозрастной группе в 1994 г., %

Тип траектории перемещения между 1990-ми и 2000-ми гг.	Мужчины, женщины, 18–29 лет	Мужчины, 30–59 лет	Женщины, 30–54 года	Мужчины, 60 лет и старше	Женщины, 55 лет и старше
I. Постоянная бедность	13	12	12	19	16
II. Выход из бедности в неустойчивое положение	9	12	9	3	14
III. Выход из бедности в небедность	18	20	20	15	18
IV. Выход из неустойчивого положения в бедность	0	2	2	1	6
V. «Устойчиво» неустойчивое положение	4	4	3	4	4
VI. Вход в небедность из неустойчивого положения	18	16	17	24	19
VII. Вход в бедность из небедности	2	2	1	–	2
VIII. Вход в неустойчивое положение из небедности	3	2	4	4	3
XI. Постоянная небедность	33	30	32	30	18
Всего	100	100	100	100	100

нулись практически всех слоев населения. Между тем очевидно, что за мало отличающимися в количественном плане показателями восходящей мобильности тех, кто был в 1994 г. молодым (44% в группе мужчин и женщин в возрасте 18–29 лет) и пожилым (50% среди женщин 55 лет и старше и 43% среди мужчин 60 лет и старше), стоят совсем разные механизмы получения дохода. Экономические траектории первых формировались преимущественно в сфере распределения доходов, а траектории вторых — в сфере перераспределения, являясь, главным образом, следствием проводимой государством политики социального обеспечения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Распределение населения по траекториям перемещений в пространстве «бедность—небедность» в 1990-е и 2000-е гг. является, с одной стороны, одной из социальных характеристик этого промежутка времени в жизни нашей страны, с другой — результирующим макропоказателем переплетения социальных и экономических процессов, протекающих от макро- до микроуровня российского общества.

Конечно, оба эти аспекта связаны между собой. Так, наше исследование показало, что, судя по динамике контура экономической стратификации, той или иной кратности пребывания населения в состоянии бедности, интенсивности и направленности перемещений, 1990-е и 2000-е гг. не просто календарные периоды, а этапы новейшей истории России, по-разному в социальном и экономическом плане окрашенные. Безусловно, это не есть открытие, поражающее воображение. Это лишь способ привлечь внимание к тому, как переплетается историческое, общественное и индивидуальное. На фоне социально-экономических потрясений или «расцвета стабильности» люди переживали свои локальные шоки в виде продолжительных болезней,

потери кормильца, разводов или реализовывали жизненные стратегии — рожали детей, получали образование, повышали квалификацию и старели или взрослели. Вызовы времени и общества каждый человек принимал, обладая определенной конфигурацией человеческого, социального и экономического капиталов, и это предопределяло его реакцию. За эти годы население страны получило разнообразный опыт экономической жизни, вынуждено было развивать в себе способности справляться с болезненными общественными потрясениями, формировать компетенции для эффективного реагирования на стимулы рынка и новые институциональные возможности как вопреки, так и благодаря усилиям государства. Люди справлялись с этим в разные моменты рассматриваемого периода по-разному, что нашло отражение, в частности, в траекториях перемещения в пространстве «бедность—небедность».

Реальные, а не декларируемые меры государства по социальной поддержке, развитию определенных секторов экономики, открытию перспектив для экономических инициатив населения в 2000-х гг. приводят к позитивному изменению контура экономической стратификации, масштабным потокам выхода населения из бедности и сокращению доли бедных. Хотя эти положительные моменты свидетельствуют о приобщении достаточно широких масс россиян к эффектам экономического роста в стране, интенсивность их восходящей мобильности невелика, обретенная небедность многим позволяет лишь восстанавливать⁷, а не развивать человеческий потенциал: модальный слой (свыше 40%) в экономической стратификации населения России 2008 г. — это малообеспеченные люди с доходами, не превышающими двух ПМ.

Между тем контур экономической стратификации 2008 г., где треть составляют люди с доходами два-четыре ПМ, а у почти десятой части более четырех ПМ, говорит о том, что в конце 2000-х экономический потенциал населения России в целом выше, чем он был в середине 1990-х или в начале 2000-х гг. Несмотря на позитивную динамику, такая форма экономической стратификации является эндогенной переменной в моделировании стратегических прогнозов развития страны: чтобы перейти от нынешнего состояния к стратификации, где основной вес приходился бы на экономический слой с доходами в четыре—шесть ПМ, необходим новый этап кардинальных, инновационных по сути социально-экономических изменений в стране, формат и результаты которых сейчас вряд ли с уверенностью можно привязать к календарным датам.

Обращаясь к тактической стороне результатов нашего исследования, заметим, что социальные обязательства государства, от которых оно мужественно не отказалось в период кризиса 2008—2009 гг., не стоит резко пересматривать и в обозримом будущем, так как это может стать одним из внешних потрясений для широкого круга людей. Ведь в настоящее время группа населения России, которая своими силами справлялась и могла бы справиться с внешними неблагоприятными воздействиями, не слишком многочисленна, а относительной гарантией от бедности, как было показано, является удельный доход домохозяйства, превышающий черту бедности в два раза.

⁷ Минимальный потребительский бюджет в денежном выражении составляет примерно два ПМ и обеспечивает восстановительный уровень потребления [Бобков В. Н. и др., 2006].

ЛИТЕРАТУРА

Бобков В. Н., Литвинов В. А., Гулюгина А. А. и др. Основные показатели доходов и уровня жизни населения по федеральным округам Российской Федерации во II квартале 2006 г. // Мониторинг доходов и уровня жизни населения. 2006. № 2. Апрель—июнь.

Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С. Экономическая стратификация населения России: динамический аспект // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 32—43.

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2008: Стат. сб./Росстат. — М., 2008.

Ashley C., Start D., Slater R. et al. Dynamics of Livelihood Change // In Policy Guidance Sheets: Understanding Livelihoods in Rural India: Diversity, Change and Exclusion. Overseas Development Institute's 'Livelihood Options' project. — 2003; http://www.odi.org.uk/work/projects/00-03-livelihood-options/papers/guidance/guidance%2022_web.pdf

Baulch B., Davis P. Poverty Dynamics and Life Trajectories in Rural Bangladesh // International Journal of Multiple Research Approaches. 2008. Vol. 2, Issue 2. P. 176—190.